

Эти дни на старой барже «Белка» казались Тихону самыми счастливыми в жизни. Они с Норой научились ловить жуков-плавунцов и стрекоз. Пёс Вениамин настраивал приборы — баржу он ласково называл «Белочка». Им удалось пришвартоваться у заброшенной пристани. На речном пассажирском теплоходе, брошенном, ставшим вдруг ненужным людям, оказался приличный запас топлива, мясных консервов и пресной воды. Там же Вениамин нашёл необходимые инструменты и материалы, чтобы заделать течь в трюме. Морская свинка Марыся, на-

учившаяся читать навигационные карты так, что даже опытный мореплаватель Владимир Семёнович восхищённо ухал, прокладывая курс следования. По вечерам они, собираясь в кают-компаниях, смеялись, вспоминали деревенскую жизнь. Кошка Нора сворачивалась клубочком, и Тихон мог изда- лека ею любоваться. Марыся рассказывала, какие медузы водятся в Чёрном море и какие встречаются рыбы. Они с Норой вспоминали, как гастроли- ровали с Театром зверей по побережью и как тепло их принимали в каждом городе. Проснувшись до рассвета, Тихон изучал атласы, мореходные карты и пытался заполнить стёршиеся указания Котов- ского. В каком городе сейчас его друг и остальные коты? В каком порту? А может, Тихон ошибся? Мо- жет, координаты указывают не на Чёрное море? Все-таки у него была только малая часть карты. Остальное было стёрто. Если координаты указыва- ли на Чёрное море, то в каком городе лучше сойти? Ведь они плыли по Оке, а Ока, как известно даже котяткам, впадает в Волгу, а Волга — в Каспийское море.

Даже если они доплывут до какого-то города, как

найдут корабль, чтобы отправиться дальше? Как на него попадут? Или путешествие придётся продолжить на поезде? Всё-таки Владимир Семёнович прав — их странная звериная компания привлекает слишком много внимания. Так или иначе, они всё дальше уплывали от родного города. И от этого Тихону становилось очень грустно. Но несмотря на тяжкие раздумья, именно в те дни он спал глубоко и спокойно. По утрам выходил на палубу, смотрел на реку, воду, предрассветное солнце и ему хотелось хотя бы на мгновение удержать это спокойствие, умиротворённость. Даже счастье. Да, в те дни Тихон чувствовал себя счастливым.

...В это самое время кошка Мона, мама Тихона, сидела в музее на подоконнике за портьерой и смотрела на улицу. На этом самом подоконнике так любил прятаться её единственный сын. Именно здесь она показала ему, как лапой открыть окно, чтобы выбраться в мир, который так его манил. Мир за стенами музея. Полный приключений, опасностей, настоящей жизни. Где теперь её Тихон? Жив ли? Материнское сердце подсказывало — жив. Вернётся ли? Сердце ответа не давало.

Мона спрыгнула с подоконника и отправилась бродить по пустынным залам. Ей нравились эти тихие утренние часы. Раньше она наслаждалась этим временем. А сейчас... После всего случившегося — похищения знаменитой картины, битвы котов и мышей, в результате которой директору пришлось передать в приюты всех котов-защитников, включая малышей-котят, в музее стало слишком тихо. Даже посетителей меньше. Дети, будто почувствовав, что не увидят в музее кота или кошку, капризничали и отказывались ходить с родителями на экскурсии. После проведённой дезинфекции от мышей изменился в музее и запах.

В залах неуловимо пахло чем-то едким. Мона больше не могла насладиться ароматом старых полотен и краски, который так любила. Смотрительница, Наталья Николаевна, забравшая Мону в дом, не могла видеть страдания кошки. И поэтому каждый день приносила свою любимицу в музей, зная, что оставаться одной в квартире той будет невыносимо.

— Ну что ты? Потерпи. Всё наладится, — уговаривала Мону Наталья Николаевна и брала ласково к себе на колени. Чесала за ухом, гладила. Мона была ей благодарна, но она не знала, как жить дальше — без своих маленьких подопечных котят, без уроков по искусству в школе. Она лишилась не только любимого мужа, сына, о судьбе которого ничего не знала, но и дела, которому посвятила всю свою жизнь. Ей больше некому было рассказывать про картины, про музей, художников. Не нужно было проверять домашние задания и готовиться к урокам. Класс, в котором раньше всегда стояло дружное мяуканье котят, был пуст. Моне некого было призывать к порядку на переменах, разнимать котят, мальчишек-драчунов, и отговаривать

кошечек-девочек, которые хотели перекрасить шёрстку из белой в чёрную или наоборот. Мона скучала по своим ученикам. Ей не хватало их мяуканья, доверчивых глаз.

Директор музея тоже появлялся на работе спозаранку. Он сидел в своём кабинете и не знал, что делать. Устраивать новую выставку? Выставлять картины из запасников? Да, надо бы, но он тоже был опустошён произошедшим. Чувствовал, что музей потерял что-то главное. Теплоту, невидимую защиту. То, что всегда привлекало детей и взрослых — место, где им хорошо и спокойно. Где каждый юный художник может приткнуться в углу, как котёнок, и делать наброски. Где всем всегда были рады, в любое время. Теперь музей стоял пустым, открываясь и закрываясь по часам. Он стал просто зданием с картинами, потерял душу.

Каждое утро к директору приходил Винсент. Директор готовил для него завтрак — кусочек сыра или печенья, ягодку или зёрнышко.

— Доброе утро, дорогой друг, — приветствовал его директор.

Старый мышь пиццал в ответ.

— Рад тебя видеть, — искренне говорил директор. — Как ты себя чувствуешь? У меня вот сердце ноет. Давление скачет. Совсем стал старой развалиной.

Мышь издавал ответный писк и кивал.

— Да, понимаю, в нашем возрасте у каждого свои болячки, — соглашался директор. — Подскажи, что делать?

Мышь молчал.

— Вот и я не знаю. Одни мы с тобой остались из старой команды. Да ещё Наталья Николаевна, дай бог ей здоровья, с Моной. Мой новый заместитель — я его не выбирал, меня просто поставили перед фактом, набрал смотрительниц, сотрудников. Они ничего не понимают в искусстве. Им — что музей, что офис. Они не чувствуют того, что чувствуем мы. Скоро и меня попросят из музея — я для молодёжи слишком старей. Сам знаешь, как это происходит. Ещё вчера ты считался мэтром, а сегодня — никто, и место тебе на свалке истории... Ничего не слышал про своих друзей? Про Тихона? Наталья Николаевна говорит, что Мона ходит грустная, места себе не находит от волнения. Ничто её не радует.